

Юрис Подняеко:

Сегодня Иисус Христос не дожидается тридцати трех...

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Церковь, несущая смерть. Ставшие радиоактивными образцы, при приближении к которым потрескивают зашкаливающие дозиметры. И посему деревянную сельскую церковь заколачивают досками, вбивая гвозди, словно в крышку гроба...

Эпизод с церковью, опаленной чернобыльской аварией, — из нового фильма «Мы» известного лагвийского документалиста, режиссера Юриса Подняеко. Почти пятчасового фильма, состоящего из пяти отдельно озаглавленных лент. Фильма, который закуплен всеми крупнейшими странами, кроме, к сожалению, нашей. Но который так необходим, уверен, в первую очередь нашим зрителям. И тонкий ручеек видеоприложения к журналу, конечно же, не поможет делу своими кассетами с записью картины, даже и разрысав на нас внезапно поток самой доступной видеотехники.

— Появился сегодня Иисус Христос, боюсь, не дожидая ему до тридцати трех, пригвоздили бы раньше, — говорит Ю. Подняеко. — Значит, глубока порча, утрачены основы. Как же не дать пропасть душе — вот он, неизбывный вопрос.

Не собираюсь пересказывать весь фильм, занятие это неблагодарное, да и невозможное. Не охватить в газетной заметке пяти часов, за которые на экране разворачиваются митинги лета 1987 года в Прибалтике, предстает трагедия Чернобыля, первая в Союзе забастовка в Ярославле, Нагорный Карабах, Сумгаит, Фергана, бунт «афганцев» на Дворцовой площади в Ленинграде, землетрясение в Армении митинги ДС и «Памяти» в Москве, самосожжение девушек в Узбекистане, «экологическая» демонстрация в Киришах, страшный апрель в Тбилиси...

И люди. Ничем не примечательные и известные всей стране; демагоги и фанатики, опальные и вознесенные. Сахаров, Ельцин, священник Борис Старк... Последний, кстати, сын адмирала Григория Старка, командовавшего крейсером «Аврора» — естественно, до октября 1917 года. Сын вернулся в Россию из эмиграции уже вместе с внуками адмирала, прошел преследования и тюрьму, но совесть и веру сохранил незапятнанной.

Как создавались «Мы»? Английская независимая телекомпания «Сентрал Ай-ти-

ви» собралась снимать ленту на музыку рок-оперы Алексея Рыбникова «Литургия оглашенных». Режиссер был английский. Однако после начала демонстрации в Москве документального фильма «Легко ли быть молодым?» Ю. Подняеко решено было, что снимать должен именно автор напумевшей ленты.

— За полтора года отсняли 80 часов пленки, — продолжает Юрис. — Год ушел на монтаж. Чтобы было немного понятно, с какими препятствиями приходилось сталкиваться, скажу только, что в конце 1987 года на нас написали сразу в три КГБ, материал был арестован, но его все же удалось переправить на Запад незасвеченным... Попадая из одной республики в другую, постепенно осознавал, в чем подоплека множества неурядиц, чувствовал, как система старается спастись, ощущая, в то же время свой конец, конец империи — этого тоталитарного социализма, выстроенной машинерии. Поэтому надо понимать, что Прибалтика уходит не от Союза, не от России, а от системы, которая, чтобы удержаться, идет нередко на прямое подстрекательство, играя в том числе и на международных проблемах. У моего фильма мог быть подзаголовок: «Два года на подступах к развалу империи».

«Разлом», «Пробуждение», «Слышно ли нас?», «Стена», «Противостояние» — названия метафоры пяти частей фильма. В картине вообще много образности, символики...

«Бог будет наказывать, будут вселенские знамения, и будут землетрясения и войны, и все это будет. И мир погибнет. Так сказано в Апокалипсисе, — начинает один из своих монологов композитор А. Рыбников. — Мы сейчас просто являемся свидетелями того, как все это происходит. Невозможность сирессовывается в события, которые поделяют вначале, но потом сознание привыкает к этому ужасу. Мы уже научились существовать в нем. Вот это для меня было очень сложным моментом. Мне хотелось найти какие-то пути к ответу в моей опере «Литургия оглашенных». Вспоминаю Хлебникова: «Нужен сеятель очей». Очей, которые будут видеть.

Но их сейчас все меньше и меньше... Наступил кризис веры, той веры, когда мы были детьми. Мы верили, что идем вперед и впереди нас ждет свет и все будет хорошо. И вот страшный перелом, когда стало понятно, что мир дальше светлее и лучше не будет. И вообще нет пути впереди. Только — темный тоннель или стена».

«Мы — дети полдорог, нам имя — полдорожье...»

Сколько таких, кого наша государственная машина уже подмяла под себя, или тех, кто разбился о ее основы? Фундамент-то не дрогнул. Не от своего ли безверия так усердно захлопывали и заставляли на первом Съезде беззащитного А. Сахарова наши народные «избраники»? А он пытался и пытался пересилить этот рев... Ю. Подняеко останавливает в этом эпизоде кадр.

Не это ли же безверие двигало В. Наумовым, творящим на коврике намаз вместе с афганскими моджахедами и через несколько кадров кинохроники берущим на прицел красноразвешенные вертолеты... Как ни трагично, но это же безверие заставило и нас прийти в Афганистан, кинуть тысячи молодых парней под нож войны, а вместе с ними и ни в чем не повинных мирных жителей, оказавшихся заложниками чужой системы.

Вспоминаются слова бывшего учителя В. Туринса, вынужденного покинуть Латвию и страну. Вот он дает интервью Ю. Подняеко: «Высший аппарат власти понимает, что менять что-то необходимо, — мы зашли в гулик. Но готов ли он отступить от тоталитарного принципа самой системы, в этом я не уверен. Это, как либеральная буржуазия во время революции: она — за перемены, пока они не становятся ей опасны и не угрожают ее исключительному положению...»

По этому же поводу в фильме размышляет академик А. Сахаров:

«Думаю, что перестройка настолько серьезный и глубокий процесс, что те, кто ее всерьез начал проводить, могут ее проводить только всерьез. Это не такое дело, которое можно делать из тактических соображений, из показного, чтобы понравиться Западу. Это — такое дело, где ли-

бо выйдет, либо нет. И, как на подводной лодке, вся команда вместе с капитаном тонет или вся команда вместе с капитаном побеждает.

Другое дело, как будет развиваться перестройка, остались ли в нашем обществе внутренние силы, живая основа, или она уже вытравлена? Это может доказать только жизнь».

Андрей Дмитриевич ушел из жизни, но многое, о чем он говорил, становится понятным даже тем, кто его не понимал еще вчера. Много, но, к сожалению, не все. Например, его слова о полученной в наследство от Сталина печати имперского мышления «Разделяй и властвуй», о продолжающемся национальном угнетении целых народов, находящихся в административном подчинении у других народов...

— За увлечение национальными проблемами меня упрекали в национализме даже англичане, — рассказывает Ю. Подняеко. — У них это тоже большая тема. — Ольстер, Шотландия, Уэльс. Но я сказал: какой же я тогда националист — армянский, грузинский, русский, латышский? Чей? Конечно же, я оставался латышом. Но тем не менее я словно перешел какой-то рубикон внутри себя. Не могу даже сформулировать свои ощущения... Во всяком случае, когда мы собрались группой на премьеру нашего длинного варианта, то поняли, что прожили самый ценный кусок нашей жизни, что мы жили, как свободные люди.

Говоря о длинном варианте, Юрис имеет в виду короткий, полтора часовый, который он собрался монтировать в Англии, досняв новый материал. Поэтому недавно я его видел с камерой на Балтийской ассамблее в Юрмале и летающим на мотодельталане над Большой эстрадой парка в Риге, где проходили концерты Вселатвийского праздника песни. Вплотную к этим съемкам он делает документальную ленту для японской телекомпании «Эн-эй-кей». Потом собирается сделать перерыв и написать сценарий для игрового кино на мотив библейского сюжета об Иосифе и его братьях. Чтобы, как он объясняет, положить к истокам, нами утерянным.

К. МАРКАРЯН.
(Наш корр.)

Рига